

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЕРОИ

Все началось в ноябре, темным дождливым вечером. Вернее, это был еще не совсем вечер — всего каких-нибудь пять часов! Летом в такое время еще можно загорать. А тут — темнотища, холод, и с неба сыплется не то морось, не то снежная крупа. А у меня за плечами — тяжеленный школьный рюкзак, потому что сегодня было семь уроков, и еще я взяла в библиотеке две книжки. И весит рюкзак килограммов десять, как у туриста. Разогнуться невозможно.

И я решила поехать домой на троллейбусе. Ждать пришлось долго. Проходили автобусы, но все переполненные — люди в них стояли, скрючившись под низкой крышей. Собралась толпа, я уже стала жалеть, что не отправилась сразу пешком. И тут подошел троллейбус — набитый, как бочка с селедками. В троллейбусе был скандал.

Я так и не узнала точно, что произошло. Там ехала цыганка с цыганятами — может, они обидели эту

женщину, или она сама на них взъелась, но когда открылась дверь, цыганята посыпались, как из мешка, а тетка выскочила на тротуар и закричала не своим голосом:

— Заберите этих щенков! Чтобы они сдохли! Чтобы вы все посдыхали!

У меня всегда мурашки по коже, когда кто-нибудь так кричит. Вот у нас биологичка тоже... Когда она начинает так, мне хочется не то убежать и спрятаться, не то вообще исчезнуть и не жить на свете. Ненавижу биологию. А эта женщина кричала стократ хуже биологички. И мне захотелось не спрятаться, а... Сама не знаю. Подойти и встряхнуть ее за воротник? Так я и до воротника не дотянусь, она здоровенная, а я — «от горшка два вершка».

Вся толпа от нее брызнула в разные стороны. А я наоборот. Я к ней подскочила, и...

Мне расхотелось ее трясти. Она же только пуще разозлится. Поэтому я просто посмотрела ей в глаза и сказала:

— Нельзя так злиться. Нельзя!

И провела рукой, как будто вытирая запотевшее стекло.

И вот тут меня мурашки пробрали от затылка до пяток, и в голове что-то сжалось. Сама не знаю, как так вышло. Она перестала кричать: глаза у нее раньше были мутные от ненависти, а теперь стали нормальные. И она заморгала, будто проснулась. Будто с нее сдернули черное непрозрачное полотнище, и она увидела фонари вокруг, людей, меня...

Тогда я быстренько повернулась и, чтобы не видеть здесь никого и чтобы меня не видели, побежала по улице домой. Подумаешь — две остановки. Сердце во мне колотилось как бешеное: я всегда, когда влезаю

в какой-нибудь скандал, потом жалею. Ну что мне было нужно от этой тетки? Она же не на меня кричала? С неба по-прежнему что-то сыпалось, и я постепенно начала остывать. Фонари отражались в мокром асфальте, получалось два ожерелья огней — одно в небе, другое под ногами. И я совсем было успокоилась, как вдруг заметила, что он за мной идет.

Сперва почувствовала — что-то не в порядке. Оглянулась раз — идет. Два — идет, не отстают.

Тогда я нарочно перешла улицу и заглянула в хозяйственный магазин. Долго ходила там вдоль прилавков, спрашивала, что сколько стоит, уже всем продавцам надоела. Прошло минут двадцать. Я выхожу...

Опа! А он стоит у ларька напротив и делает вид, что минеральную воду покупает.

Сначала я испугалась. А потом глубоко вдохнула и подумала: ну чего мне бояться? Еще не поздно, улица людная, народу кругом полно, вон полицейские на машине поехали. Что он мне сделает, старикашка?

Ему с виду было лет сорок. Плечистый, высокий, но не качок. Бородка аккуратная, коротко подстриженная. Пуховая куртка. Так посмотришь — вроде приличный человек. Ну чего он ко мне привязался?

К тому времени у меня плечи устали — сил нет. И живот потихоньку начал болеть от голода. Я за весь день только и съела, что бутерброд с сыром и шоколадку в столовой.

И ноги озябли в сырых ботинках. Надо было идти домой, тем более что в шесть часов придет мама и, если меня не будет, закатит скандал.

С другой стороны, фонарь у нас во дворе третий день не горит. Подъезд может оказаться пустым.

И лифт. Что, если этот дядька за мной в лифт полезет?

Может, подождать маму у «Гастронома» на углу? И тут меня зло взяло. Ну с какой это радости усталый, измученный, голодный человек, у которого еще уроки не сделаны, должен полчаса торчать под дождем потому только, что за ним увязался незнакомец?

Я развернулась и пошла ему навстречу. Думала, он отведет глаза и пройдет мимо — так нет же, смотрит прямо на меня!

— Чего надо, дядя? — спросила я довольно грубо. А как с ним еще прикажете разговаривать?

Думала, он сделает большие глаза, мол, что такое, с чего ты взяла, иду, мол, по своим делам...

Но он даже притворяться не стал:

— Поговорить надо.

От такой наглости я опять немножко струхнула. А в следующую секунду он как схватит меня за локоть, как дернет куда-то — я еле на ногах устояла. А может, и шлепнулась бы, если бы он меня не держал. А в это время мимо проскочил троллейбус на полной скорости, в лужу колесами — плюх! И то место, где я только что стояла, обдало грязной водой, будто из поливальной машины.

Этот дядька меня отпустил.

— Пойдем? — говорит.

Я поправила рюкзак — он уже к тому времени килограммов сто, наверное, весил. Ну что делать в такой ситуации?

И побрели мы рядышком. Вернее, я пошла как ни в чем ни бывало домой, а он со мной — шаг в шаг. Не отстает. Молчит.

Я не выдержала.

— Ну, говорите, — говорю.

- Что?
- Говорите. Начинайте.
- Да я не знаю, с чего начать...

Как-то очень по-честному он это сказал. Когда наша классная говорит: «Я даже не знаю, что тебе сказать», — это полемический прием, другими словами, вранье. Прекрасно она знает: такая, растакая, школьный пиджак не надела, на физкультуру без формы, с биологичкой опять поругалась... А этот дядька и в самом деле не знал, что мне сказать. Зачем тогда увязался, спрашивается?

- Тогда зачем вы за мной... идете?
- Потому что очень важно, чтобы ты мне поверила.
- А чего это мне вам верить? Я вас в первый раз вижу!

И я на него покосилась — снизу вверх. Он, конечно, не похож на тех злодеев, которыми нас в школе пугают. С другой стороны, настоящий злодей и должен выглядеть приятно, чтобы не вызывать подозрений, чтобы своим видом завораживать жертву.

— Ну, — заговорил он снова, — если я начну с того, что меня зовут Оберон... Ты мне, конечно, не поверишь.

— Оберон... Аргон, неон, криптон, ксенон, — пробормотала я себе под нос. У нас в кабинете химии таблица Менделеева висит, здоровенная, во всю стену. Я ее со скуки наизусть выучила. Из тамошних названий имена хорошие получаются. Командир космического корабля Барий Рубидиевич... достойно звучит.

— Скажи, пожалуйста... а что ты сделала на остановке?

- У меня опять мурашки по спине побежали.
- Когда? На какой остановке?
- С женщиной, которая кричала.

— Я ничего не сделала. Я просто ей сказала, что так нельзя. И ушла. А вы видели, что ли?

— Я видел... Ты ей не просто сказала. Иначе бы она еще хуже разоралась. Ты не просто сказала — ты сделала. Осознанно? Или случайно?

— Случайно, — сказала я. — И ничего я не делала. Я ее пальцем не коснулась. Если вы видели, то вы и должны...

— погоди. Ты ее коснулась не руками.

— А чем же?

И я начала смеяться. Не потому, что мне сделалось смешно, боже упаси, у меня зуб на зуб не попадал. Просто надо же было показать этому человеку, что я его не боюсь и все его домыслы — ерунда на постном масле.

— Ты меня испугалась?

Опять он очень честно спросил. И честно удивился. А как же: в темноте увязывается за девчонкой здоровенный мужик, бородатый, почти старый. Называется «Обероном». Задает странные вопросы. И еще удивляется, что мне чуть-чуть не по себе.

— Не бойся, — сказал он. — Я же не затем, чтобы тебя ругать. Наоборот: я давно ищу кого-нибудь, похожего на тебя. Который умеет то, что ты сделала сегодня на остановке.

— Да я ничего не умею! Это было случайно, понимаете? Мне просто... всегда плохо, когда кто-то орет, ссорится. Я хотела, чтобы она замолчала!

Я запнулась. Выходило так, что я оправдываюсь. А с какой стати?

Мы шли все медленнее и медленнее и наконец остановились перед витриной «Гастронома». Налево, во двор, второй подъезд, восьмой этаж; только я ни за что не пошла бы туда со странным дядькой на хвосте. Нет уж.

— Ты бы хотела попасть в Королевство?
— В Англию, что ли?
— Почему в Англию?
— Потому что Великобритания — Соединенное Королевство.

— Нет. Не в Англию. В Королевство.

— Нет, спасибо. Лучше вы сами.

— Ладно, — он не обиделся. — Я тебе дам одну вещь. Когда решишься — бросишь ее на землю. Я буду ждать.

И сунул мне теплый шарик в ладонь.

— Ну, до свидания...

Он уходил по улице, все дальше и дальше, а я смотрела ему вслед. Надо же убедиться, что он в самом деле ушел и не сможет за мной погнаться. Огляделась — не следит ли кто-нибудь еще? Нырнула во двор. Взлетела по лестнице в парадную. Бегом проскочила в лифт.

И там уже разжала ладонь.

* * *

На другой день у меня было особенное настроение с самого утра. Пускай не выпалась, пускай скандал случился ни свет ни заря: за столом Петька кидался кашей в Димку, а Димка бил ложкой Петьку по голове. Я цыкнула на обоих, чтобы не кричали. Пришла мама и выговорила уже мне — потому что я, видите ли, взрослая и должна следить за порядком. Я схватила бутерброд со стола и так, с бутербродом в одной руке и рюкзаком в другой, выскочила на лестничную площадку. Поставила рюкзак на перила, сунула руку в карман куртки...

Он был стеклянный и немного светился изнутри. Внутри шарика стекло колыхалось, как студень, и в этом студне плавал ключ — с виду медный, с зелеными

пятнышками на бородке, он замирал, когда я прямо на него смотрела. А когда я отводила взгляд и косилась исподтишка — он начинал медленно поворачиваться и мерцать, как далекая звездочка. Ключ от Королевства.

Я будто разделилась надвое: одна моя половина прекрасно понимала, что шарик — просто красивый сувенир, а вчерашний дядечка — в лучшем случае мирный сумасшедший. Но у меня было особенное настроение с самого утра. Потому что вторая половина уже всю играла в Королевство. Где зубчатые скалы, замок на горе и лес вокруг. Потому что невозможно всерьез принимать этот ноябрь, этот дождь и вечную темень. Можно же верить во что-то красивое...

Я мечтала три урока подряд. На перемене между третьим и четвертым заявила в столовую — и наскочила там на трех задавак из десятого «Б».

— А кто это такой? — очень громко спросила Зайцева у Лозовой. — Почему эта девочка из второго класса пришла в столовую на взрослой перемене? Время малшей — между вторым и третьим уроком. Я права?

Лозовая заржала. Хворостенко захихикала. Эта Хворостенко живет в нашем подъезде и, когда встречает меня в лифте, смотрит в сторону — просто не замечает. А когда рядом Зайцева — проходу не дает, все ищет, к чему придраться. Это проверено.

— Девочка, девочка, в каком ты классе?

Зайцева знает, в каком я классе. Ей просто кажется очень смешным, что я маленького роста. Ей кажется это настолько забавным, что она всякий раз придумывает новенькую шутку — все на ту же нестареющую тему. А я расту. Я почти каждый день отмечаю свой рост на дверном косяке. Я в самом деле становлюсь больше, просто мои одноклассники растут тоже, и у них получается быстрее...

— Девочка, а девочка, а может, ты карлик?

У меня в руке был стакан с яблочным соком. Р-раз — и Зайцева оказалась мокрой с головы до ног: и лицо, и пиджак, и волосы.

— Ах ты так!

Я не успела отскочить. Мокрая Зайцева заехала мне кулаком по физиономии, так что в глазах на секунду стало светло-светло. Лозовая вцепилась в волосы — хорошо, что у меня короткие волосы, не так-то просто удержать...

Я запустила в Зайцеву стаканом. Стакан отлетел от ее живота и разбился на полу; полетели в разные стороны осколки. Хворостенко заверещала. Кто-то налетел и вцепился в меня сзади; я, не глядя, лягнула каблуком. Оказалось, это биологичка.

* * *

— Если тебя обидели словесно — ну так и отвечай словесно! Что это за дикость — жидкостью в лицо?! Что это за хамство — драться? Ты посмотри на себя! От горшка два вершка, а агрессивная, как уголовник!

Завуч возвышалась передо мной, будто айсберг — меньшая часть над столом, большая — невидимая, под столом на стуле. Ей легко и просто сказать мне, что я — от горшка два вершка. А если я скажу ей, что она — жирная корова?..

Ой, что будет!

Или хуже все равно уже ничего не будет? И можно спокойно сказать, что думаешь?

В этот момент завучиха меня ненавидела. Не за яблочный сок и не за разбитый стакан, и даже не за синяк на ноге биологички. Она готова была меня стереть в порошок за все плохое, что было в ее жизни.

Как вчерашняя пассажирка ненавидела цыганят — не за то, что они грязные и попрошайки, а за то, что у нее был тяжелый, серый день — один из многих, и так до самой смерти.

Глядя в поцарапанный линолеум, я снова вспомнила все, что было на остановке. Как я будто отодвинула черную пелену, женщина замолчала, захлопала глазами, лицо ее из остервенелого вдруг стало нормальным, даже добрым...

— Может, и с завучихой так получится?

— Я подняла глаза.

— Нет, не получится. Я поскорее снова потупилась — в пол смотреть безопаснее.

— Ты знаешь, что с четырнадцати лет наступает уголовная ответственность?

— Мне еще только тринадцать исполнилось. Вон у Зайцевой уголовная ответственность давно наступила — и что?

— Ступай домой — немедленно. Приведи мать — немедленно.

— Она на работе.

— Значит, ступай на работу... Или я сама к ней пойду!

* * *

Было еще светло. Еще даже уроки не закончились. Зайцева, Лозовая и Хворостенко преспокойно сидели на какой-нибудь географии и перемигивались со своими мальчишками. Героини. Мой рюкзак остался в учительской. И даже лучше: не надо таскать на спине такую тяжесть.

Я села на скамейку возле школьных ворот. Идти к маме на работу — полное безумие. Во-первых, у себя

в конторе она всегда занята, ей даже звонить можно только в крайнем случае. Во-вторых...

Я даже не стала додумывать эту мысль до конца. А просто вытащила из кармана куртки стеклянный шарик с плавающим ключом. Теперь он не казался волшебным. И все особенное настроение, которое было у меня с утра, испарилось. Ключ от Королевства... вот вам ключ от Королевства, в Королевстве город...

Идите вы все в баню со своими сказками!

Я со злостью размахнулась и забросила шарик в кусты. Надо было пойти вчера с этим дядькой. Пусть бы он оказался маньяком, заманил меня в лес и убил. И сегодня завуч, вместо того чтобы шипеть на меня, трагическим голосом объявила бы на школьном собрании о моей смерти. И целый месяц в школе только и было бы разговоров, что обо мне — какая я была, в сущности, неплохая девчонка... Я рассмеялась. И опять не потому, что мне было смешно — а потому что это самая глупая малышова мысль: пусть я умру, и они все попляшут. Детский сад, честное слово. Почему я должна умирать? Из-за Зайцевой?

Мне стало жалко шарика. Все-таки он был прикольный. Его можно подарить Петьке и Димке... Правда, они из-за него подерутся. Ладно, можно объявить между ними соревнование: кто будет лучше себя вести — тому дам шарик ненадолго поиграть.

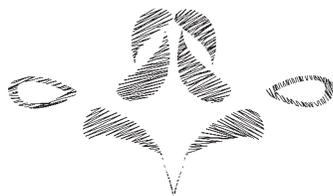
Вот так примерно размышляя, я поднялась со скамейки, подошла к голым кустам и, наклонившись, стала высматривать на земле шарик. Шарика не нашлось — в раздражении я очень далеко его зашвырнула. Но кусты были не особенно густые, поэтому я, присев на корточки, потихоньку в них залезла. Шарика не было. Я посмотрела направо и налево; на земле, голой и гладкой, имелся фантик от конфеты и размокший окурок.

Куда же, елки-палки, я его забросила? И я продвинулась еще немного вперед. Кусты уже должны были закончиться — за ними газон, где летом водятся кузнечики. Может быть, шарик на газоне?

Я полезла вперед, как медведь сквозь чащу. Газона не было! Я обернулась — дорожка тоже скрылась за сплетенными ветками. Куда ни посмотришь — кусты, кусты, кусты...

Тогда я выпрямилась. Был, конечно, риск, что меня увидят из окна учительской, и тогда ко всем моим провинностям прибавится еще и «разорение зеленых насаждений»...

Я огляделась вокруг — и почти сразу тихо заорала.

ГЛАВА ВТОРАЯ

АУДИЕНЦИЯ

— Вот, ваша милость, мальчишка забрался в королевский сад. Наша вина, недоглядели. Хотя, лопни мои глаза, как он пролез? Изгородь вроде целая...

«Ваша милость» был высокий старик, одетый в черное. Глядя на него, я поняла, что наша завучиха — милейшей души женщина и красавица к тому же. Тот, что меня поймал, и сейчас еще держал мои руки заломленными за спину. В жизни никто со мной так не обращался — даже Зайцева.

— Пусти!

— Ишь ты, еще дергается. Так вам его оставить, ваша милость? Или уж по-простому, отодрать кнутом да отпустить?

Я задержалась сильнее, но мужичок так крутанул мне локти, что пришлось успокоиться.

— Не выйдет по-простому, — сказала «милость» скрипучим, как ржавые петли, голосом. — Мальчишка то непростой, издали видать... А ну говори, стервец, чего тебе в саду надо было?